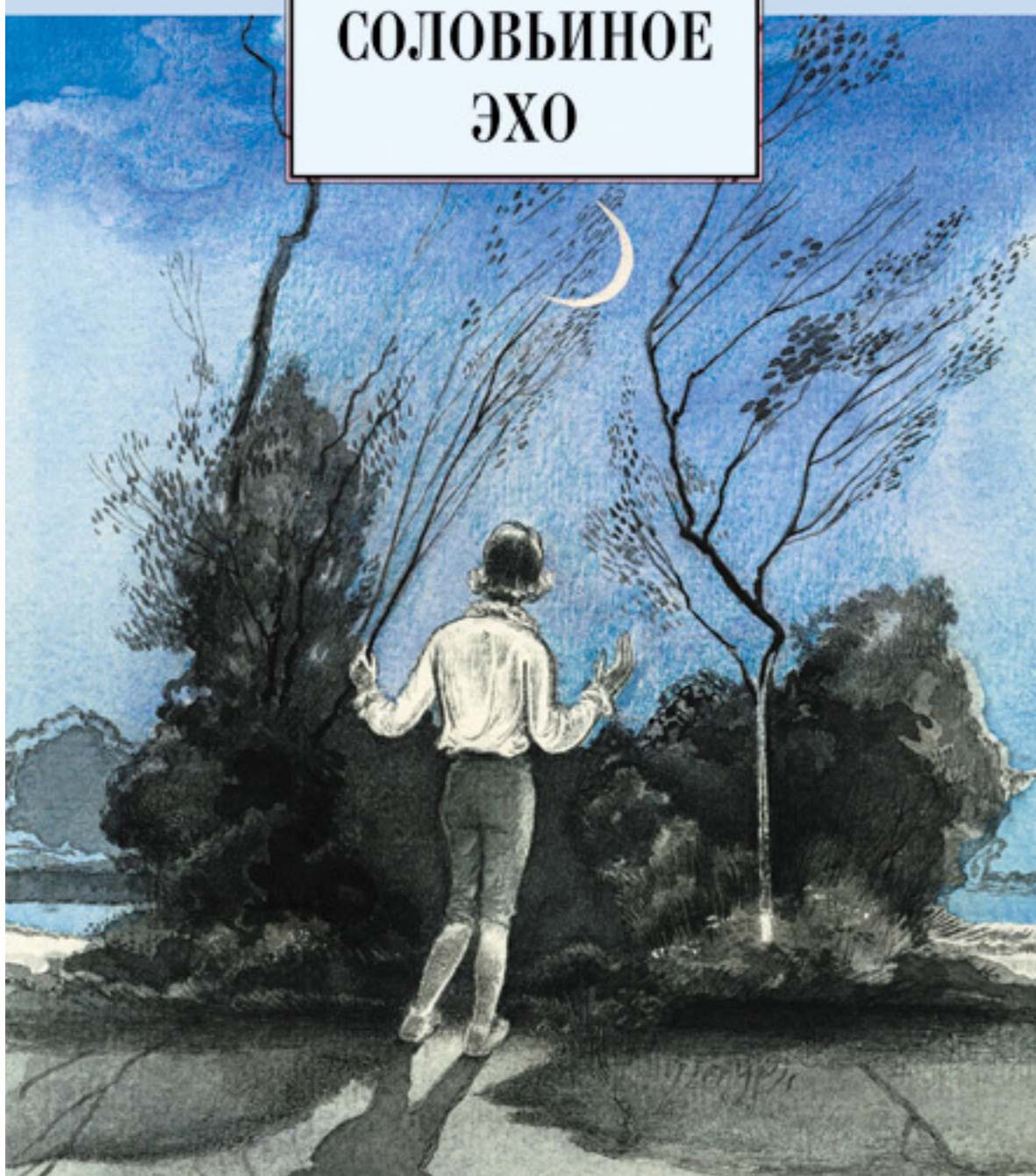

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

А. А. Фет

**СОЛОВЬИНОЕ
ЭХО**

Школьная библиотека (Детская литература)

Афанасий Фет

Соловьиное эхо (сборник)

Издательство «Детская литература»

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5

Фет А. А.

Соловьиное эхо (сборник) / А. А. Фет — Издательство «Детская литература», — (Школьная библиотека (Детская литература))

ISBN 978-5-08-005661-1

Книга состоит из двух частей. Первая рассказывает о детстве и непростой судьбе гениального лирического поэта Афанасия Афанасьевича Фета. Вторая часть книги – избранные стихотворения поэта. Произведения А. А. Фета – трепетны и в высшей степени одухотворены, они воспевают красоту земли, глубину искренних человеческих чувств и демонстрируют необыкновенное богатство родного языка. Для старшего школьного возраста.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5

ISBN 978-5-08-005661-1

© Фет А. А.

© Издательство «Детская литература»

Содержание

Соловьиное эхо	6
«Эдемский» вечер	7
«Ранние годы моей жизни»	11
«Вы несомненный поэт!»	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Афанасий Фет

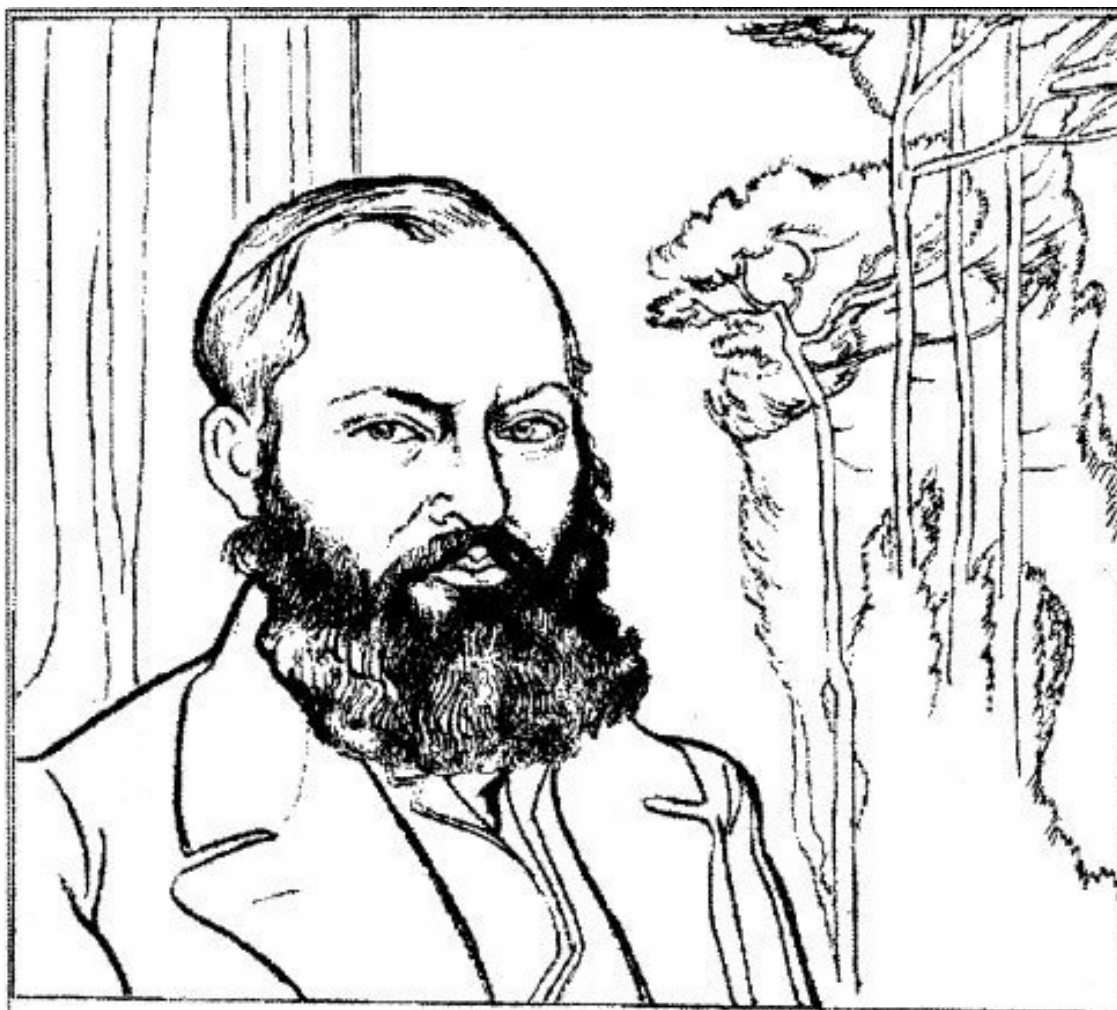
Соловьиное эхо (сборник)

© Сухова. Н. П. Повесть «Соловьиное эхо», составление раздела стихотворений, примечания, 1996

© Бирюков Л. Д., наследники, иллюстрации, 1999

© Оформление серии. АО «Издательство «Детская литература», 2003

***

Афанасий Фет

1820–1892

СОЛОВЬИНОЕ ЭХО (Повесть о жизни и творчестве А. А. Фета)

*Покуда на груди земной
Хотя с трудом дышать я буду,
Весь трепет жизни молодой
Мне будет внятен отовсюду.*

А. Фет

«... Я наконец познакомился с его книгой – там есть стихотворения, где пахнет душистым горошком и клевером, где запах переходит в цвет перламутра, в сияние светляка, а лунный свет или луч утренней зари переливаются в звук. Фет – поэт единственный в своем роде, не имеющий равного себе ни в одной литературе...» – этот отзыв принадлежит современнику Афанасия Афанасьевича Фета, драматургу, прозаику, лирику Алексею Константиновичу Толстому.

...Звонко, полнозвучно льются восторженные гимны Фета, посвященные родной природе – лесу, высоким ночным звездам, ароматным цветам. Вполголоса, почти шепотом мы читаем его нежные признания в любви, горькие и печальные слова о разлуке. Размашистые, медленные строки чередуются с быстрыми змейками коротких фраз. Поэт то предстает перед нами, исповедуясь в самых сокровенных думах, то вдруг словно исчезает, и тогда в его стихах начинает говорить сама природа. Мир в лирике Фета полон движения, шорохов, голосов. И «удыханья цветов есть понятный язык».

Еще чуть-чуть – и проснется, потеплеет камень, оживет мраморное изваяние мифологической богини Дианы...

Иным современникам Фета казалось, что поэт витает в облаках, оторван от жизни и лирика его надуманна. У фетовской музыки «идеальное солнце» – это выражение Я. П. Полонского, поэта, близко знавшего Фета, его многолетнего друга. В старости они затеяли переписку, пытаясь разобраться, что побуждало обоих к творчеству. «По твоим стихам, – обращался Полонский к Фету, – невозможно написать твоей биографии или даже намекать на события из твоей жизни. Увы! по моим стихам можно проследить всю жизнь мою... Ясно, что мой духовный внутренний мир далеко не играет такой первенствующей роли, как твой, озаренный радужными лучами идеального солнца».

Фету не понравилась такая оценка его лирики. Разве не он постоянно напоминал Полонскому, что придерживается изречения из «Фауста» Гёте:

*Старайся почерпать из жизни то людской!
Все ей живут, не всем она известна;
А где ни оглянись, повсюду интересна.*

Фет даже поставил эти слова, в собственном переводе, эпитафией к своим мемуарам. И он ответил Полонскому: «...Ты напрасно думаешь, что мои песенки приходят ниоткуда: они такие же дары жизни, как и твои...» А в другой раз добавил, что «одно из свойств поэта есть хранение живых впечатлений»: «Поэт есть собственно человек, у которого... изо всех пор сочится жизнь, независимо от его воли».

Не совсем прав был Полонский: по стихам Фета тоже можно «проследить всю жизнь» его.

«Эдемский» вечер

В середине 1850-х годов в Петербурге, в доме Ивана Сергеевича Тургенева, Фет познакомился со Львом Николаевичем Толстым. С годами они подружились.

Толстой говорил, что его привлекало в Фете «истинное поэтическое дарование». Обращаясь к Фету, он писал: «...Я вас ужасно, ужасно люблю». А секрет своей привязанности к Фету объяснял так: «...Вы для меня, соды – кислота: как только дотронусь до вас, так и зашиплю – столько хочется вам сказать». Фет, чуткий на всякое искреннее внимание к себе, отзывался столь же признательно: «Дорогой, потому что единственный, и единственный, потому что дорогой, друг Лев Николаевич!»

После женитьбы Толстого Фет стал частым гостем его семьи. Ездить далеко не приходилось: имения друзей – Ясная Поляна и купленная Фетом Степановка – находились рядом, под Тулой и Орлом.

Фет часто посылал на суд в Ясную Поляну новые стихи. Но однажды он и сам получил от Толстого шуточное стихотворное послание, в котором были такие строфы:

Как стыдно луку перед розой,
Хотя стыда причины нет,
Так стыдно мне ответить прозой
На вызов ваш, любезный Фет.
Итак, пишу впервой стихами,
Но не без робости ответ.
Когда? Куда? Решайте сами,
Но заезжайте к нам, о Фет!
...Сухим доволен буду летом,
Пусть погибают рожь, ячмень,
Коль побеседовать мне с Фетом
Удастся вволю целый день...

Толстой был одним из первых читателей фетовской поэзии, хорошо ее знал, понимал и помнил. Близкие Толстого рассказывали, как часто он с упоением читал стихи Фета вслух. Вот один из эпизодов, который вспоминает сестра жены Толстого Татьяна Андреевна Кузминская:

«...Бывало, мы выйдем в звездную ночь в сад, Лев Николаевич посмотрит на звездное яркое небо и, припоминая Фета, скажет это стихотворение:

Я долго стоял неподвижно,
В далекие звезды глядясь, —
Меж теми звездами и мною
Какая-то связь родилась.

„Как хорошо это“, – скажет он. „А дальше?“ – спрошу его. „А дальше еще лучше“. – „Ну, скажи!“ И он продолжает:

Я думал... не помню, что думал,
Я слушал таинственный хор,
И звезды тихонько дрожали,
И звезды люблю я с тех пор...

И в голосе его слышится волнение, и это волнение, как художественный ток, заразит и меня и других и поднимет высоко к звездному небу. И за это спасибо Фету».

Переписываясь с поэтом, Толстой сообщал ему новости своей семейной жизни, обсуждал виды на урожай, делился хозяйственными заботами. Но сквозь ворох будничных дел всегда «просвечивал» главный вопрос: «...Что вы делаете мыслью, самой пружиной своей Фетовой, которая только одна и была, и есть, и будет на свете? Жива ли эта пружина? Просится ли наружу? Как выражается? И не разучилась ли выражаться?»

Толстой отмечал наиболее удачные строки в фетовских стихах, особенно часто – в весенних стихотворениях. Уходила зима, оживала природа, и Толстой обращался к Фету: «Верно, написали весну. Пришлите». Он перечитывал старые, написанные в 1840–1850-е годы стихи Фета и снова и снова повторял полюбившиеся строки и строфы:

Уж верба вся пушистая
Раскинулась кругом;
Опять весна душистая
Повеяла крылом.

Или:

Опять незримые усилья,
Опять невидимые крылья
Приносят северу тепло;
Все ярче, ярче дни за днями,
Уж солнце черными кругами
В лесу деревья обвелю.

Когда в 1870 году поэт прислал ему только что написанное стихотворение «Майская ночь», Толстой ответил: «Развернув письмо, я – первое – прочитал стихотворение, и у меня защипало в носу: я пришел к жене и хотел прочесть; но не мог от слез умиления. Стихотворение одно из тех редких, в которых ни слова прибавить, убавить или изменить нельзя: оно живое само и прелестно».

Фет гордился дружбой с талантливейшим из своих современников. Ему не приходилось кривить душой, заискивать в отношениях с Толстым, он не стеснялся высказывать свои мнения, даже когда они не совпадали со взглядами писателя. Толстому это нравилось, он высоко ценил в Фете отсутствие притворства.

В доме у Толстых любили музыку. И Фет, высоко ценивший надежный домашний уют, красоту семейных отношений, стал свидетелем небольших музыкальных вечеров, столь прекрасных, что они затрагивали самые сокровенные струны его души. С молодости его поэтический дар чутко отзывался на музыку и одухотворенную женскую красоту. Фет говорил, что поэзия и музыка не только родственны, но нераздельны. Нет музыкального настроения – нет художественного произведения. Большая часть стихов Фета объединена названием «Мелодии». Некоторые из них он написал под впечатлением женского пения, которому страстно поклонялся.

Петр Ильич Чайковский, часто обращавшийся к фетовской лирике, в одном из своих писем так объяснял ее неизменную притягательность для композиторов: «...Ему дана власть затрагивать... струны нашей души, которые недоступны художникам, хотя бы и сильным, но ограниченными пределами слова. Это не просто поэт, скорее поэт-музыкант, как бы избегающий даже таких тем, которые легко поддаются выражению словом».

И вот музыкальный вечер в кругу людей, близких Льву Толстому, дал толчок для создания одной из самых совершенных стихотворных «мелодий» Фета. Этот вечер вспоминала Татьяна Андреевна Кузминская. В 1866 году она гостила в Черемошне – имении давнишнего приятеля Толстого Дмитрия Алексеевича Дьякова. С женой Дьякова она дружила. В одно из майских воскресений в Черемошне собралось много гостей, в их числе был Фет с супругой Марией Петровной. Татьяну Андреевну попросили спеть.

«В комнате царила тишина. Уже смеркалось, и лунный свет ложился полосами на полутемную гостиную. Огня еще не зажигали, и Долли аккомпанировала мне наизусть.

Я чувствовала, как понемногу голос мой крепнет, делается звучнее, как я овладела им. Я чувствовала, что у меня нет ни страха, ни сомнения, я не боялась уже критики и никого не замечала. Я чувствовала подъем духа, прилив молодого огня и общее поэтическое настроение, охватившее всех.

Подали чай и нас позвали в залу. В освещенной большой зале стоял второй рояль. После чая Долли села аккомпанировать мне, и пение продолжалось.

Афанасий Афанасьевич два раза просил меня спеть романс Булахова на его слова „Крошка“.

Только станет смеркаться немножко,
Буду ждать, не дрогнёт ли звонок,
Приходи, моя милая крошка,
Приходи посидеть вечером...

Окна в зале были отворены, и соловьи под самыми окнами в саду, залитом лунным светом, перекидывали меня.

В первый и последний раз в моей жизни я видела и испытала это. Это было так странно, как их громкие трели мешались с моим голосом...

Мария Петровна суетливо подходила ко всем и говорила: „Вот увидите, что этот вечер не пройдет даром голубчику Фету. Он что-нибудь да напишет в эту ночь“.

Мария Петровна оказалась права. Лев Толстой спустя некоторое время сообщал Дьяковым: «Фет мне пишет, что он провел у вас, по его словам, „эдемский“ вечер с гитарой и соловьями и что на этом эдемском вечере Таня пела от восьми до двух часов».

Но произведение, посвященное «эдемскому», то есть райскому, вечеру, Фет написал не «в эту ночь». Оно родилось десять лет спустя – под новым впечатлением от пения Кузминской. В августе 1877 года Фет послал Толстому четыре строфы, озаглавленные словом «Опять». Это был первый вариант стихотворения, которое в печати появилось уже без названия: «Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали...»

В сентябре того же года Татьяна Андреевна Кузминская рассказывала в письме к мужу: «Соня посылает мне стихи Фета и пишет: „Отгадай, на чей счет они написаны?“ Нетрудно было отгадать черемошанскую ночь и теперешнее пение...»

Воспоминания Кузминской об «эдемском» вечере и фетовском стихотворении завершились неожиданной шуточной сценкой: «Стихи понравились Льву Николаевичу, и однажды он кому-то читал их при мне вслух. Дойдя до последней строки: „Тебя любить, обнять и плакать над тобой“, он нас всех насмешил: „Эти стихи прекрасные, – сказал он, – но зачем он хочет обнять Таню... человек женатый...“ Мы все засмеялись, так неожиданно у него вышло это замечание».

Такова история создания фетовского стихотворения, сохранившаяся в документах. Но мы вправе предположить, что в его основу легло не только впечатление от пения Татьяны Андреевны Кузминской. Стихотворение обладает удивительной обобщающей силой. Поэт создал психологически яркий образ певицы, беззаветно отдающейся музыке. Этот образ

заставляет обратиться к мемуарам самого Фета, написанным на склоне лет. Вспоминая свои наезды в Петербург 1850-х годов, поэт рассказывает о визите с Тургеневым к одной замечательной исполнительнице романсов Глинки. Ее искусство пленило Фета: «Во всю жизнь я не мог забыть этого изящного и вдохновенного пения. Восторг, окрылявший певицу, сообщал обращенному к нам лицу ее духовную красоту, перед которой должна бы померкнуть заурядная, хотя бы и несомненная красота. Душевное волнение Глинки, передаваемое нам певицею, прежде всего потрясло ее самое, и в конце романса она, закрывая лицо нотами, уходила от нас, чтобы некоторое время оправиться от осиливших ее рыданий. Минут через пять она возвращалась снова и без всяких приглашений продолжала петь. Я никогда уже не слыхивал такого исполнения Глинки».

И еще один, может быть, даже более важный **музыкальный** отголосок жизни поэта можно найти в его стихотворной «мелодии».

В конце 1840-х годов Фет состоял на военной службе и квартировал со своим полком в Херсонской губернии. Глухая южная провинция, скучная, однообразная офицерская среда. Но в одной из тамошних помещичьих семей Фет познакомился с умной, начитанной, обаятельной девушкой Марией Лазич, великолепной музыкантшей. Не будучи красавицей, она, по словам Фета, отличалась «необычайной роскошью черных с сизым отливом волос». Фет с отрадой узнал, что «во время пребывания в Елизаветграде великий венгерский композитор Ференц Лист умел оценить ее виртуозность и поэтическое настроение». Перед отъездом Лист написал в альбом Марии прощальную музыкальную фразу необыкновенной задушевной красоты. Сколько раз потом Фет просил Марию повторить для него на рояле эту удивительную фразу!.. Между молодыми людьми быстро установилось взаимопонимание, в Марии Фет нашел знатока поэзии, тонкую ценительницу его собственных стихов. Пришла любовь... Но Лазич была бедна, Фету не приходилось рассчитывать на обеспеченное будущее.

Влюбленные расстались. Лазич вскоре трагически погибла, но ее образ на всю жизнь вошел в любовные стихи Фета, придав им горестную окраску.

В стихотворении, навеянном пением Кузминской, есть строки об обидах судьбы и жгучей муке сердца, о томительных и скучных годах, о рыдающих звуках музыки. Откуда эти загадочно-печальные образы? Не из времен ли, связанных с Марией Лазич?

История создания стихотворения Фета «Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали...» не исчерпывается одним жизненным фактом. Как всякое истинное произведение искусства, оно таит в себе заманчивую глубину и потому нетленно.

«Ранние годы моей жизни»

Не только со Львом Толстым довелось подружиться Фету. Он знал и других выдающихся деятелей своей эпохи. Поэтому в старости он стал писать мемуары. Фет читал их в Ясной Поляне и был рад, когда Толстой поощрил его желание начать следующую книгу с самого детства.

«Это будет гораздо интереснее позднейших воспоминаний, – говорил Толстой, – так как поведет в среду малоизвестную и невозвратно исчезнувшую».

Фет послушался автора знаменитой трилогии «Детство», «Отрочество» и «Юность». Свою новую книгу он назвал «Ранние годы моей жизни».

Фет описал свои детские годы сухо и сдержанно. Это неудивительно. Отец, помещик Афанасий Неофитович Шеншин, запомнился ему суровым, скупым на ласку. А именно его характер, его порядки определяли домашнюю атмосферу. Мать поэта, Шарлотта Карловна, была робкой, покорной женщиной, не умеющей противостоять чрезмерной строгости мужа. Шеншин привез ее из Германии, и она не чувствовала себя полновластной хозяйкой в доме.

Фет родился в 1820 году на Орловщине, в имении Новоселки, раскинувшемся на берегу речки Зуши. Отец поэта переименовал в Новоселки бывшее село Козюлькино, заложив в нем новую усадьбу. Афанасий Неофитович, вернувшийся из военных походов и осевший на земле, мечтал построить тут большой господский дом. Семью он временно поместил во флигеле – маленьком отдельном домике. Но из-за «стесненных обстоятельств», то есть из-за отсутствия денег, ему так и не удалось завести настоящего дома. Постоянные затруднения с деньгами, долги раздражали его, и он становился все более замкнутым и недоступным для детей...

Обделенный родительской лаской, мальчик целые часы проводил в общении с дворовыми. Особенно он любил навещать девичью. Там стояли тяжелые пузатые сундуки с домашними припасами. Когда мать открывала их, мальчик вырастал рядом, словно из-под земли. Украдкой она насыпала ему в ладошку вкусных изюминок или миндалинок – отец запрещал детям есть сладкое.

Но девичья была замечательна не только соблазнительными сундуками. По вечерам прислуга усаживалась за пряжу, и тут не было конца пересудам да прибауткам, рассказам, сказкам – про жар-птицу, про водяного...

Фета неудержимо тянуло к фантастическому миру сказок – век бы слушал! Ночью он на цыпочках выходил из детской в длинной ночной сорочке и неслышно проскальзывал в девичью. Там он усаживался на скамеечку возле любимой своей мастерицы и рассказчицы и начинал упрашивать: «Прасковья, скажи сказочку!..»

На хорошего учителя для детей у Афанасия Неофитовича средств не хватало. И Фет сначала под руководством матери выучился немецкой грамоте. Необычайно сильное впечатление произвело на него чтение стихов, захотелось перевести немецкие басенки на родной язык. Приходилось делать это устно, ведь писать по-русски он еще не умел. Мальчик не мог уснуть, не одолев перевода, а в случае успеха вскакивал с постели и шел среди ночи в спальню к матери. При свечке, на клочке бумаги, Шарлотта Карловна записывала первые, неловкие стихотворные опыты сына.

Память Фета удержала один из этих детских переводов:

Летела пчелка, пала в речку,
Увидя то, голубка с бережку
С беседки сорвала листок
И пчелке кинула мосток.

Затем голубка наша смело
На самый верх беседки села.
Стал егерь целиться в голубку,
Но пик! Пчела его за губку.
Паф! Дробь вся пролетела,
Голубка уцелела.

Необходимость следовать немецкому источнику мешала маленькому поэту гармонично строить русские фразы. Зато смысл басенки он сумел донести: как аукнется, так и откликнется!

Русской грамоте Фет выучился у дворового человека – повара Афанасия. Главное достоинство Афанасия заключалось в том, что он превосходно умел ворковать голубем. А Фет обо-жал птиц! Это обстоятельство помогло ему избавиться от одной неприятной обязанности. Шеншин смотрел неблагоприятно на стихотворные упражнения сына и задумал обучить его игре на скрипке. Но для мальчика занятия музыкой были хуже пытки. И вот однажды ночью он услышал стук упавшей с окна клетки, в которой жил его обожаемый чиж. Мальчик сообразил, что это проказничает кошка, слез с кровати, схватил со стенки смычок и с силой размахнулся. В темноте смычок ударился обо что-то твердое и разлетелся на куски... Ненавистные занятия музыкой прекратились сами собой.

Один за другим сменялись незадачливые учителя Фета. В их число входил даже бывший дедушкин парикмахер, старик Филипп Агафонович, мирно дремавший на занятиях. Когда Фет все-таки выучился читать и писать по-русски, страсть к сочинительству обернулась горячим увлечением русской поэзией – Жуковским и в особенности Пушкиным. В начале 1830-х годов – время отрочества Фета – Пушкин был жив и широко известен. По всей читающей России его стихи переписывались в тетради, в домашние альбомы. Фет познакомился со стихами Пуш-кина именно в рукописи. В библиотеке владельцев соседнего имения Борисовых его внимание привлекла толстая, как книжка, тетрадь в черном кожаном переплете, начатая еще в XVIII веке. Здесь Фет и нашел поэмы Пушкина 1820-х годов – «Кавказский пленник» и «Бахчисарайский фонтан». Он набросился на них с жадностью и вскоре уже многие строки знал наизусть.

Школьная жизнь началась для Фета в четырнадцать лет. Его отдали в учебное заведение немца Крюммера в маленьком городке Верро, расположенном на территории нынешней Эсто-нии.

Школа была пансионом, это значит, что дети в ней не только учились, но и жили. Фет попал в окружение детей чопорного прибалтийского дворянства. Русских учеников насчиты-валось только пятеро. Говорить Фету приходилось по-немецки, читать и переводить – с латыни и древнегреческого. Его знание языков учитель ставил в пример ученикам-немцам, но это не утешало мальчика, тоскующего по родной речи.

А родная речь жила в его памяти, в мыслях, в творчестве.

Из школьной братии Фета выделял беспокойный дар стихотворства. Этот дар достигал его при самых неподходящих обстоятельствах. Позднее Фет рассказывал: «В тихие минуты полной беззаботности я как будто чувствовал подводное вращение цветочных спиралей, стре-мящихся вынести цветок на поверхность, но в конце концов оказывалось, что стремились наружу одни спирали стеблей, на которых никаких цветов не было. Я чертил на своей аспид-ной доске какие-то стихи и снова стирал их, находя их бессодержательными». Так с трудом, но неумолимо прорастал в душе Фета поэтический талант. Воспринять и обогреть этот талант на чужбине было некому.

«Вы несомненный поэт!»

Не успел Фет закончить последний год обучения в пансионе, как неожиданно приехал отец и объявил, что увозит его в Москву готовиться в университет. Для юноши эта весть была равнозначна освобождению из плена. Порядки в заведении Крюммера были жесткие: железная дисциплина, в хозяйстве твердая экономия – воспитанники вставали из-за стола полуголодные. Старшие ученики беззастенчиво обижали младших и слабых, «чужак» мог надеяться только на свои силы.

Когда на время летних каникул родители разбирали своих детей по домам, Фет оставался один в громадной школе – его дом был слишком далеко... Город выглядел пустым и малоинтересным, и мальчик слонялся целыми днями бесцельно. Самому себе он напоминал собаку, потерявшую хозяина.

И еще одно обстоятельство омрачало пребывание Фета в школе Крюммера. Начав учиться в пансионе, он носил родовую дворянскую фамилию отца – Шеншин. Но через год Афанасий Неофитович прислал ему письмо, в котором извещал, что отныне мальчик должен носить немецкую фамилию матери – Фет. Это означало, что сын лишался дворянского звания и права быть наследником отца... Вокруг него зашумело злословие, «подобно растроганной колоде пчел». Товарищи по пансиону донимали его каверзными вопросами. Фет молча страдал от насмешек: он не знал причины замены фамилии. Она заключалась в том, что мальчик родился прежде, чем брак его отца с иностранкой Шарлоттой Фет был освящен церковью... Теперь, семнадцатилетним юношей, покидая пансион, Фет оставлял в нем досадных свидетелей своей неожиданно разразившейся беды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.